
pocket**book**

rocket**book**

Гейл Форман

Если я останусь

Москва
2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф79

Gayle Forman
IF I STAY
© 2009 by Gayle Forman

Перевод с английского *А. Олефир*

Художественное оформление и разработка серии *А. Саукова*

Фотография на обложке:
© Sky-Blue Images / Stocks United / Legion Media.

Форман, Гейл.

Ф79 Если я останусь / Гейл Форман ; [перевод с английского А. Олефир]. – Москва : Эксмо, 2019. – 256 с.

ISBN 978-5-04-106392-4

Эту книгу сравнивают с романом Элис Сиболд «Милые кости», самым поразительным бестселлером начала XXI века, по единодушному мнению критики. Хотя общая у них только канва: и здесь, и там душа юной девушки, расставшись с телом, наблюдает со стороны за жизнью близких людей. Но в случае с героиней книги Гейл Форман, семнадцатилетней Мией, дело обстоит много сложнее. Судьба поставила ее перед выбором — или вернуться к жизни, или навсегда уйти в мир иной, последовав за самыми любимыми для нее людьми.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-106392-4

© Олефир А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Нику
Наконец-то...
Навсегда*

07:09

Все думают, что это случилось из-за снега. В каком-то смысле, наверное, так и есть.

Я проснулась утром, а газон перед нашим домом укрыт легким белым покрывалом. Оно лишь сантиметра три толщиной, но в этой части Орегона все, как правило, замирает, едва посыплет даже легкий снежок, потому что на всю округу единственный снегоочиститель и тот трудится на расчистке дорог. Здесь у нас с неба обычно падает мокрая — кап-кап-кап, — а не замороженная вода.

В общем, снега достаточно, чтобы не идти в школу. Мой младший брат Тедди издает боевой клич, когда мамино утреннее радио объявляет об отмене занятий.

— День снега! — вопит братишка. — Пап, пойдем лепить снеговика.

Папа улыбается и постукивает по трубке. Он начал курить ее недавно, когда вдруг увлекся этим старым сериалом «Папе видней», популярным в пятидесятые годы. Еще он носит галстуки-бабочки. Я никак не могу понять — то ли его новый образ — это верх элегантности, то ли папа

просто насмехается и таким способом сообщает, что когда-то был панком, а теперь учит детей в средней школе, то ли учительство и в самом деле превратило его в завязанного консерватора. Но запах трубочного табака мне нравится: он сладковатый и дымный — и напоминает о зиме и дровяных печах.

— Ты, конечно, можешь предпринять героическую попытку, — отвечает Тедди папа. — Но вряд ли на дорожках хоть что-то залежалось. Пожалуй, сейчас у тебя лучше получится снежная амеба.

Я знаю, папа счастлив. Жалких три сантиметра снега означают, что все школы округа закрыты, включая мою старшую и среднюю, где преподает папа, — так что для него это тоже неожиданный выходной. Мама, работающая в туристическом агентстве нашего городка, выключает радио и наливает себе вторую чашку кофе.

— Ну, раз вы все сегодня бездельничаете, то я уж точно не поеду работать. Это просто несправедливо. — Она берет телефон и звонит на работу; закончив разговор, смотрит на нас: — Мне что, теперь завтрак готовить?

Мы с папой хором хохочем: мама «готовит» кукурузные хлопья и тосты. Повар у нас папа.

Притворяясь, что не слышит нашего хохота, она достает из шкафчика коробку «Бисквика»*.

* «Бисквик» — кулинарная смесь для выпечки. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Ну ладно, вряд ли это так сложно. Кто хочет оладий?

— Я, я хочу! — подпрыгивает Тедди. — А можно с шоколадной стружкой?

— Не вижу препятствий, — отвечает мама.

— Ура-а! — вопит Тедди, размахивая руками.

— Что-то у тебя многовато энергии для столь раннего утра, — поддразниваю я и поворачиваюсь к маме: — Пожалуй, тебе не стоит позволять Тедди пить так много кофе.

— Я уже давно завариваю ему без кофеина, — парирует мама. — Он просто буен от природы.

— Главное — мне не заваривай без кофеина, — сдаюсь я.

— Ну, это уже было бы насилие над ребенком, — замечает папа.

Мама вручает мне дымящуюся кружку и газету.

— Там отличная фотография твоего красавчика.

— Правда? Неужели фотография?

— Ага. Кажется, с лета мы большего и не видели. — Мама поднимает брови и смотрит на меня искоса — так она «заглядывает в душу».

— Это да, — отвечаю я, невольно вздыхая.

«Звездопад», так называется группа Адама, быстро набирает популярность, и это прекрасно по большей части.

— Ах, слава молодым не впрок,— изрекает папа, но при этом улыбается. Я знаю, он очень рад за Адама. Даже горд.

Я пролистываю газету до календарного раздела. Там маленькая информационная врезка о «Звездопаде» с еще меньшей фотографией всей четверки, а рядом большая статья про «Бикини» и огромный снимок их вокалистки, панк-рок-дивы Брук Веги. О ребятах сказано только, что «местная группа “Звездопад” выступит на разогреве у “Бикини” на портлендском отрезке гастрольного тура звезд панк-рока по стране». В статье не упоминаются куда более важные для меня новости: вчера вечером «Звездопад» был хедлайнером в одном из клубов Сиэтла и, судя по эсэмэске, которую Адам прислал мне в полночь, собрал полный зал.

— Едешь сегодня? — спрашивает папа.

— Собиралась. Если весь штат не парализует из-за снега.

— И в самом деле, ведь надвигается метель.— Папа указывает на одинокую снежинку, неторопливо плывущую к земле.

— Еще я, кажется, буду репетировать с каким-то пианистом из университета, его профессор Кристи где-то откопала.

Профессор Кристи, университетская преподавательница музыки на пенсии, у которой я занимаюсь последние несколько лет, все время ищет новые жертвы — с кем я могла бы сыграть.

«Держи себя в форме, и ты еще покажешь всем этим снобам из Джульярда*, что значит настоящее исполнение», — говорит она.

Я еще не поступила в Джульярд, но прослушивание прошло чрезвычайно удачно. И баховская сюита, и Шостакович лились из меня так, как никогда прежде, — будто мои пальцы стали живым продолжением струн и смычка. Когда я закончила играть — тяжело дыша и с дрожью в ногах, оттого что слишком сильно их сжимала, — один из членов комиссии даже похлопал, а это, как мне кажется, случается не так уж часто.

Когда я выползла за дверь, тот же самый экзаменатор сказал мне, что их консерватория давно «не видела деревенских девочек из Орегона». Профессор Кристи сочла это добрым знаком и уже не сомневалась в моем зачислении, в отличие от меня. К тому же я и сама толком не знала, хочу я этого или нет. Как и стремительный взлет группы Адама, мое поступление в Джульярд, если оно, конечно, состоится, создаст некоторые сложности или, точнее, усугубит те, что возникли в последние несколько месяцев.

— Я хочу еще кофе, кто со мной? — спрашивает мама, нависая надо мной с древней кофеваркой.

Я вдыхаю аромат кофе — густого, черного, французской масляной обжарки, как мы все любим. Один только запах меня уже бодрит.

* Джульярд — престижная консерватория в Нью-Йорке.

— Я-то подумываю, не пойти ли еще поспать,— говорю я.— Виолончель в школе. Так что я даже позаниматься не могу.

— Не будешь заниматься? Целых двадцать четыре часа?! «Молчи, молчи, разбитая душа»*,— восклицает мама. Хотя она и приобрела с годами некоторый вкус к классической музыке — «с этим как с вонючими сырами: постепенно начинаешь разбираться»,— но невольное прослушивание моих марафонских репетиций не всегда приводит ее в восторг.

Со второго этажа доносится лягз и грохот: Тедди лупит по своей барабанной установке. Вообще-то она папина — была когда-то, когда он играл в широко известной в узких кругах жителей нашего городка группе и работал в музыкальном магазине.

Я вижу папину довольную улыбку и чувствую привычный укор совести. Знаю, это глупо, но меня всегда мучил вопрос, не расстроен ли папа, что я не пошла в рок-музыку. В общем-то, я и собиралась, но в третьем классе на уроке музыки вдруг увидела виолончель, и она показалась мне совершенно живой. Казалось, если на ней играть, она откроет множество секретов, так что я начала учиться. Прошло уже почти десять лет, а я все продолжаю.

* Цитата из песни «Молчи» («Be Still») американской хард-рок-группы «Нельсон».

— Слишком шумно, чтобы спать,— перекрикивает мама грохот барабанов.

— А знаете что,— говорит папа, попыхивая трубкой,— снег-то уже тает.

Я иду к задней двери и выглядываю наружу. Сквозь облака пробилось солнце, и слышен шорох тающего льда. Я закрываю дверь и возвращаюсь к столу, замечая:

— Похоже, округ погорячился.

— Возможно, но отменить отмену школы уже нельзя. Что сделано, то сделано, я уже взяла выходной,— радуется мама.

— Именно. Но мы можем извлечь пользу из этого неожиданного подарка судьбы и куда-нибудь поехать,— предлагает папа.— Прокатимся. Навестим Генри с Уиллоу.

Генри и Уиллоу — давние друзья родителей из музыкальной тусовки; у них тоже появился ребенок, и они решили начать вести себя как взрослые. Живут они в большом старом фермерском доме. Генри приспособил сарай под домашний офис и занимается там компьютерным дизайном, а Уиллоу работает в ближайшей больнице. У них маленькая дочка. Именно она — истинная причина, по которой мама с папой хотят туда поехать. Тедди только что исполнилось восемь, мне семнадцать, а значит, из нас уже давно выветрился тот кисловатый молочный запах, от которого так млеют взрослые.

— А на обратном пути можем заглянуть в «БукБарн».— Похоже, мама меня заманивает.

«БукБарн» — это огромный пыльный старый магазин подержанных книг. В дальнем углу у них сложены двадцатипятицентовые записи классической музыки, которые, кажется, никто, кроме меня, никогда не покупал. А я прячу целую гору их под кроватью. Коллекция классической музыки — не то, о чем станешь рассказывать всем и каждому.

Я показала ее Адаму, но только после того, как мы пробыли вместе пять месяцев. Я думала, он будет смеяться. А как же иначе — такой крутой парень, в зауженных джинсах, черных полукеды, с полным набором грамотно потрепанных панк-рокерских футболок и с изысканными татуировками на теле. Он совсем не из тех, кто обращает внимание на таких, как я. Вот почему два года назад, впервые поймав его взгляд в школьной музыкальной студии, я была совершенно уверена, что Адам потешается надо мной, и старалась не попадаться ему на глаза. Как бы там ни было, но смеяться он не стал. Оказалось, у него под кроватью пылится коллекция панк-рока.

— А еще можно заскочить на полдник к бабушке с дедушкой, — говорит папа, уже протягивая руку к телефону. — Потом вернемся, и у тебя останется куча времени, чтобы добраться до Портленда, — добавляет он, набирая номер.

— Я за, — соглашаюсь я.

Дело вовсе не в притягательности «БукБарна» и не в том, что Адам на гастролях, а моя луч-

Если я останусь

шая подруга Ким занята подготовкой выпускного фотоальбома. И даже не в том, что моя виолончель в школе и мне выдалась возможность остаться дома, посмотреть телевизор или поспать. Я и в самом деле с удовольствием куда-нибудь съезжу со своей семьей. О таком тоже не рассказывают всем подряд, но Адам понимает меня и в этом.

— Тедди,— зовет папа.— Собирайся. Мы отправляемся на поиски приключений.

Тедди завершает барабанное соло лязгом тарелок. Минутой позже он влетает в кухню в полной боевой готовности, как будто натягивал одежду, сбегая по крутым деревянным ступенькам нашего щелястого викторианского дома.

— «Школа закрылась на лето...»* — поет он.

— Элис Купер? — вопрошает папа.— Ужели мы так низко пали? Пой хотя бы «Рамонз»**.

— Школа закрылась навсегда,— продолжает Тедди, не обращая внимания на протесты папы.

— Вечный оптимист,— шучу я.

Мама смеется и ставит на кухонный стол тарелку слегка подгорелых оладий.

— Налетай, семейство.

* «School is Out for Summer» — песня Элиса Купера.

** Американская рок-группа.